

С первого взгляда молодой господин Ли был ослеплён: перед ним стоял мужчина, чья красота превосходила его собственную, а аура благородства и спокойствия казалась почти осязаемой. Не дожидаясь окончания светских бесед старших, Ли Сяояо, обладая врождённой общительностью, решительно обнял Вэнь Сичэня за плечи и увлёк его прочь из душного зала, где пахло дорогим чаем и политикой, и десять дней пролетели как одно мгновение, наполненное солнцем, ветром и смехом. Они ловили рыбу в прохладной речной воде, лазали по шершавым стволам деревьев за птицами, крали диких кур и собирали сладкие лесные ягоды, пачкая руки соком. Ли Сяояо болтал без умолку, его голос звенел, как колокольчик, заполняя каждую паузу, а Вэнь Сичэн, хотя и не испытывал особого восторга от шумных развлечений или посещения весёлых кварталов, молча следовал за ним, наблюдая за неуёмной энергией друга с тихим, едва заметным интересом.

Когда настало время прощаться, Ли Сяояо едва сдерживал слёзы, не желая расставаться с лучшим другом. Перед отъездом он вложил в ладонь Вэнь Сичэня тёплый, гладкий нефритовый кулон в форме тыквы-горлянки, который вырезал собственными руками, чувствуя под пальцами прохладу камня. Вэнь Сичэн, человек немногословный, бережно принял подарок, а затем снял с шеи свой личный амулет, который носил с детства, и протянул его Ли Сяояо. Их пальцы кратко соприкоснулись, и Вэнь Сичэн произнёс тихо, но весомо:

— До скорой встречи.

— Стоп! — резкий голос режиссёра разорвал тишину павильона.

Он смотрел на монитор, затаив дыхание. Игра Лу Тинфэна, лишённая многолетнего опыта ветеранов сцены, оказалась поразительно точной: он передал ледяную отстранённость Вэнь Сичэня так, что каждый кадр дышал холодом. Хэ Ян же воплотил образ дерзкого, яркого юноши, чья невинная игривость очаровывала, сама того не ведая. Пусть его техника была ещё сырой, эта лёгкая неопытность идеально ложилась на характер импульсивного героя. Группа замерла в восхищении: первая сцена прошла с одного дубля, и более того, химия между двумя мужчинами создавала вокруг них особое поле, будто воздух искрился розовыми пузырьками романтики. И это было не просто игрой.

Забота Лу Тинфэна проявлялась в пугающем автоматизме: стоило Хэ Яну присесть, как в его руках мгновенно оказывались полотенце и стакан тёплой воды; едва он упоминал о голоде, ему подносили любимые булочки, ещё горячие и пахнущие дрожжами; любая жалоба на сквозняк тут же оборачивалась тяжёлым, уютным пуховиком на плечах. Обед, организованный мужем, состоял из трёх блюд и супа, приготовленных с педантичным учётом всех требований здорового питания. В просторном трейлере царил уютный, спасительный полумрак, разбавленный лишь мягким, янтарным светом настольной лампы. Хэ Ян лениво жевал рис, наслаждаясь видом зелени за тонированным стеклом, пока напротив, откинувшись на спинку кожаного кресла, сидел его любимый муж. Из мини-холодильника доносилось тихое, убаюкивающее гудение компрессора, обещающее прохладу банки колы. Это ощущение полного, безмятежного счастья окутывало его плотнее любого одеяла, создавая невидимый купол, защищающий от шумного, требовательного внешнего мира.

— Босс, вы двое хоть немного дайте мне передохнуть, — простонала ассистентка А Янь, театрально закатывая глаза и прижимая руку к сердцу, словно страдая от переизбытка сахара

в крови. — Если я буду продолжать есть этот «собачий корм», я похудею от зависти.

Хэ Ян рассмеялся, чувствуя, как тепло разливается по груди:

— Тебе просто нужно найти себе парня. И перестать сравнивать всех с моим мужем.

— Ваше появление с ним полностью разрушило мои планы на личную жизнь, — вздохнула девушка, мечтательно глядя на Лу Тинфэна. — После такого эталона любой другой мужчина кажется бледной, серой копией. Красивый, спортивный, богатый и безумно любящий... Таких экземпляров, боюсь, даже с фонарём днём не сыщешь. Это вымирающий вид, занесённый в Красную книгу.

От этих слов щёки Хэ Яна предательски залились румянцем, а уши стали горячими. Лу Тинфэн, услышав комплимент, лишь довольно усмехнулся про себя, даже не поворачивая головы, но уголками глаз отметил, что этой девушке определённо стоит не просто повысить зарплату, но и выписать премию за красноречие.

Дневные съёмки требовали предельной концентрации и физических усилий. По сюжету, семья Ли была уничтожена за одну ночь. Ли Сяояо, тайком выбравшийся ночью поохотиться, чудом избежал резни. Вернувшись на рассвете, он застыл: тела родственников лежали повсюду, кровь пропитала землю, а отчаяние сдавило горло железным обручем, не давая дышать. Внезапно его острый слух уловил шорох за спиной. Инстинкт сработал быстрее мысли: он резко склонил голову, и клинок чёрного убийцы просвистел в миллиметре от уха. Нападавший, чьё лицо скрывала маска, держал меч, отливающий холодным белым светом.

Ярость, смешанная с горем, вскипела в груди Ли Сяояо, обжигая изнутри. Он швырнул в противника бутылку с вином и, схватив первый попавшийся меч, бросился в атаку. Их поединок перенёсся на крыши: удары сыпались градом, пока луна не поднялась высоко, а лай собак не нарушил тишину. Убийца, выбившись из сил, попытался отступить, но Ли Сяояо, обезумевший от горя, преследовал его по пятам.

Жёсткие тросы впивались в тело, натягиваясь до звона при каждом резком движении, вызывая тупую, ноющую боль в мышцах спины и пресса. Хэ Ян летал над декорациями, имитируя невесомость, но его желудок яростно бунтовал против этой искусственной, противоестественной гравитации. К середине съёмок тошнота подступила к самому горлу плотным, горячим комом, а кислый привкус недавнего обеда угрожал вырваться наружу, но он лишь сильнее стиснул зубы, до боли в скулах, сознательно превращая эту физическую муку в часть образа измученного, загнанного в угол героя.

Лу Тинфэн, наблюдавший за процессом снизу, сквозь прищур увидел побледневшее, почти восковое лицо мужа и то напряжение, которое сквозило в каждой линии его тела. Сердце болезненно сжалось от тревоги, пальцы сами собой впились в подлокотники режиссёрского кресла, но он не вмешался. Он знал Хэ Яна слишком хорошо: если тот взялся за дело, то доведёт его до конца, несмотря на боль, усталость и тошноту. Любая остановка, любое «Стоп!» сейчас разрушило бы хрупкую магию момента, которую они создавали вместе.

Глаза Ли Сяояо налились кровью, в них читалась ненависть, столь густая, что казалась осязаемой. Столкнувшись с десятком новых нападавших, он не дрогнул. Жажда мести стала его топливом.

Главарь бандитов сделал шаг вперёд, его голос прозвучал глухо из-под маски:

— Где твой отец? Где карта сокровищ и секретные техники? Отдай их, и мы оставим тебя в живых.

Ли Сяояо холодно усмехнулся, его губы искривились в гримасе боли и ярости:

— Вы убили всю мою семью... ради какой-то легенды о сокровищах?

— Не только я хотел вашей смерти, — прорычал главарь. — Ваша семья была слишком высокомерна. Отдай карты, и я сохраню тебе жизнь.

— Ха-ха-ха... — Ли Сяояо запрокинул голову, и из его груди вырвался смех — горький, надломленный, сотрясающий всё тело судорожными спазмами. Этот звук, похожий на плач раненого зверя, эхом отразился от почерневших, обугленных балок разрушенного дома, смешиваясь с пронзительным завыванием ветра, и в уголках его глаз блеснули непролитые, тяжёлые слёзы ярости. Впервые он так остро, до физической боли возненавидел так называемый «мир боевых искусств», который лицемерно твердил о чести и справедливости, а на деле представлял собой стаю голодных волков, готовых перегрызть друг другу глотки ради клочка власти и золота.

— Вы заплатите за кровь моей семьи, — прошептал он, и в этом тихом, хриплом шёпоте звучала клятва, от которой стыла кровь в жилах. — Каждую каплю.

Хэ Ян стоял, всё ещё сжимая бутафорский меч, и чувствовал, как по спине стекает холодная капля пота, а сердце колотится где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в висках. Он не играл. Он проживал. И эта ненависть, чужая и своя одновременно, холодила душу.